

Его старший брат через два года женится на императрице. Он всегда был человеком, который не любил, чтобы им манипулировали, и выбрал в жены только ту, кого действительно любил. Хотя в делах сердца он всегда был неловок и рассеян, сегодня он влюбился в женщину с первого взгляда. С первого взгляда, а затем — влюбился еще сильнее при следующей встрече, и с тех пор его любовь стала вечной.

Какие чувства тогда испытал бы Лу Цзюэ, который любил его брата?

Он лишь представлял, как сильно будет страдать Лу Цзюэ, и его собственное сердце словно сжималось от боли.

— Брат Хуайюй... — Се Цяо схватил Лу Цзюэ за рукав и тихо произнес. — Если ты когда-нибудь будешь грустить...

Если Лу Цзюэ будет грустить, что тогда?

Обратится ли он к нему? И что он сможет сделать? Он не хотел, чтобы Лу Цзюэ достался кому-то другому, но и сам он не мог его получить. Он не хотел и не мог заставить своего брата ответить на чувства Лу Цзюэ.

— Если ты когда-нибудь будешь грустить, я сыграю тебе мелодию, — неожиданно вырвалось у Се Цяо.

— Цяо, ты плохо себя чувствуешь? Если тебе нехорошо, мы можем сразу вернуться домой, — нахмурился Лу Цзюэ.

Он чувствовал, что Се Цяо сегодня ведет себя странно. Он хотел отвести его к императору, чтобы тот познакомился с братом, но если Се Цяо нездоров, то знакомство можно отложить.

— Я в порядке.

Лу Цзюэ, услышав, что голос Се Цяо вернулся к норме, хоть и оставался немного обеспокоенным, но все же успокоился и, поддразнивая, сказал:

— Ты ведь раньше говорил, что не разбираешься в музыке, правда?

— Я могу играть на листьях. Если брат Хуайюй будет грустить, я сыграю тебе, хорошо?

— Хорошо, — в голосе Лу Цзюэ прозвучала неподдельная нежность, и он улыбнулся. — Если я когда-нибудь буду грустить, я доверюсь тебе.

...

Королевские охотничьи угодья располагались вдоль реки, и свита императора остановилась у берега, ожидая Се Цяо. Се Чжэн давно не видел брата и хотел встретиться с ним, а также передать ему кое-что — сегодня несколько юношей поймали кроликов, и он решил, что его брату они понравятся, поэтому оставил их.

Когда Лу Цзюэ и Се Цяо подъехали к берегу, они увидели, что император стоит у реки, пристально глядя в одну сторону.

Рука Се Цяо, держащая рукав Лу Цзюэ, сжалась: на реке, недалеко от берега, стояла маленькая лодка, в которой женщина что-то варила. У нее были мягкие миндалевидные глаза, и ее улыбка была подобна цветению сотен цветов.

Это была та самая женщина, которая влюбила в себя Се Чжэна с первого взгляда и ради него же погибла.

Ночь уже полностью опустилась. Лу Цзюэ ехал на лошади, а Се Цяо по-прежнему прижимался к его груди. Дом Лу находился недалеко от охотничьих угодий, и через полчаса они уже будут дома.

Се Цяо держал на руках несколько теплых кроликов, которые беспокойно двигались у него на коленях. По обеим сторонам улиц Цзиньлина горели фонари, и, поскольку наступило время ужина, прохожих было мало.

В тишине Се Цяо мог ясно чувствовать теплое сердцебиение Лу Цзюэ, он даже слышал его дыхание.

Он боялся представить выражение лица Лу Цзюэ.

Женщину в лодке звали Чжао Тинтун, она была дочерью чиновника, служившего под началом канцлера Лу. Тот чиновник происходил из бедной семьи, был честным и способным человеком. После смерти его брата и восшествия на престол канцлер Лу, чтобы избежать подозрений, ушел в отставку, и его место занял тот самый чиновник Чжао.

В этой жизни, как и в прошлой, его брат, возвращаясь с зимней охоты, проезжал мимо реки и случайно встретил Чжао Тинтун, которая возвращалась из Цзиньлина в деревню. Увидев ее, его брат словно прозрел, и его сердце, закрытое для любви на протяжении многих лет, внезапно открылось. С тех пор он признавал только эту женщину.

Его брат был императором, и узнать, кто она, было легко, как и получить ее. Но даже узнав, кто она, он лишь устроил случайную встречу, когда она отправилась в храм Цзиминсы, никогда не позволяя себе ничего навязчивого. В любви к своей избраннице он был осторожен, словно

держал в руках хрупкую жемчужину.

Они быстро полюбили друг друга, но брат женился на ней только через два года. Потому что он только взошел на престол, и не все сторонники семьи Цянь были устранены. Как он оставил Се Цяо в доме Лу ради его безопасности, так и он спрятал эту женщину, и лишь немногие доверенные лица знали о ее существовании.

Среди них, конечно, был и Лу Цзюэ.

Се Цяо иногда даже сердился на своего брата за его избирательность в любви: он влюбился в женщину с первого взгляда и больше не мог жить без нее, а Лу Цзюэ, такой замечательный — такой замечательный Лу Цзюэ, который был рядом с ним почти десять лет, вероятно, любил его все это время, но сердце его брата, словно камень, оставалось глухим к этому. И не только это, он еще заставлял Лу Цзюэ тайно охранять ту женщину.

Лу Цзюэ, такой гордый человек, внешне не показывал своих чувств, но его сердце, наверное, уже было изранено.

Се Цяо вздохнул, поправил кроликов у себя на коленях и, подняв голову, сказал:

— Брат Хуайюй, ты хочешь послушать мелодию позже?

Лу Цзюэ удивленно посмотрел на него, не понимая, что случилось с Се Цяо. К сожалению, свет был тусклым, и Се Цяо не мог разглядеть выражение его лица.

— Ты ведь говорил, что сыграешь мне, только если я буду грустить, — с недоумением произнес Лу Цзюэ.

Се Цяо подумал: «Брат Хуайюй, я знаю, что тебе сейчас тяжело, и ты не хочешь, чтобы другие это заметили, поэтому притворяешься, что все в порядке. Но раз мое сердце принадлежит тебе, я не могу смотреть, как ты страдаешь — я не могу облегчить твою боль, но могу быть рядом с тобой, сыграть несколько мелодий, чтобы утешить тебя.

Ты не хочешь, чтобы другие знали, я притворюсь, что ничего не замечаю».

И Се Цяо, используя детский тон, сказал:

— Я хочу сыграть тебе, ты не хочешь слушать?

Этот вид Се Цяо был слабостью Лу Цзюэ, поэтому он посмотрел на него, улыбнулся и сказал:

— Слушаю, слушаю, как я могу не слушать, если ты играешь?

У ворот дома Лу Цзюэ слез с лошади и взял Се Цяо на руки. Он не отпустил его, а, обхватив под мышки, поднял и, смеясь, сказал:

— В благодарность за то, что ты сыграешь мне, я понесу тебя до дома.

Затем он посмотрел на кроликов у Се Цяо на руках и добавил:

— Эти кролики, похоже, полны энергии.

Услышав шум снаружи, слуги дома Лу уже открыли ворота. Старик Ци, увидев Лу Цзюэ, быстро подошел к нему, но Лу Цзюэ, улыбаясь, махнул рукой:

— Мы с Его Величеством уже поели у реки.

— Хорошо, если молодой господин и маленький принц проголодаются позже, можно будет попросить кухню приготовить что-нибудь. Молодой господин и маленький принц могут пойти в свои покои и отдохнуть пораньше, — с доброй улыбкой сказал старик Ци.

Лу Цзюэ кивнул и, неся Се Цяо на руках, направился к своим покоям.

Се Цяо, глядя на улыбку Лу Цзюэ, чувствовал себя все хуже. Он протянул маленькую руку и похлопал Лу Цзюэ по щеке:

— Брат Хуайюй, мы уже дома, и я не чужой, тебе не нужно притворяться.

Лу Цзюэ остановился, с недоумением и смехом посмотрев на Се Цяо:

— Я притворяюсь? Почему я должен притворяться?

— Ты... — Се Цяо чуть было не сказал, но вовремя остановился. — Ничего, давай пойдем в покои, я найду листок и сыграю тебе мелодию.

Лу Цзюэ одной рукой потрогал лоб Се Цяо, с беспокойством спросив:

— Цяо, тебе плохо? Ты сегодня в охотничьих угодьях вел себя странно. Если тебе нехорошо, обязательно скажи, понял?

— Я в порядке, — сказал Се Цяо.

Не мне плохо, а тебе. Но тебе так тяжело на душе, а ты еще беспокоишься о моем здоровье.

— Правда ничего?

— Правда ничего, — уверенно кивнул Се Цяо.

...

Войдя в покои, Лу Цзюэ поставил Се Цяо на пол, и кролики, которые были у него на руках, тут же спрыгнули и побежали в бамбуковую рощу. Се Цяо не обращал на них внимания — честно говоря, он не испытывал к ним особых чувств, ведь он не был девятилетним ребенком.

Лу Цзюэ, глядя на это, улыбнулся:

— Их просто оставим так?

Се Цяо кивнул:

— Скажи старику Ци, чтобы каждый день давал им немного овощей. Когда они вырастут, мы их зажарим.

Се Цяо, живя в деревне Цзичжоу, видел, как местные жители жарили кроликов.

Лу Цзюэ...

Се Цяо с наивным выражением лица спросил:

— Ты не любишь?

Лу Цзюэ, глядя на его лицо, наконец выдавил:

— Люблю.

...

<http://bllate.org/book/15506/1377358>